

УДК 929.733

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.02

Пенской Виталий Викторович

доктор исторических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
penskoj@bsu.edu.ru; ORCID: 0000-0002-4092-8992

**СИЛЬНЫЙ ВО ИЗРАИЛЕ:
КНЯЗЬ Ю. И. ТОКМАКОВ**

Аннотация. Короля делает свита — это известное выражение в определенном смысле характеризует отношения между монархом и его окружением, наглядно демонстрируя степень вовлеченности представителей правящей элиты в государственные дела и зависимость монарха от них при решении политических и иных вопросов, возникающих в процессе государственной деятельности. Естественным представляется интерес историков к личностям, окружавшим монарха, и к их взаимоотношениям. Правда, этот интерес редко выходит за пределы узкого круга приближенных государя, хотя не менее интересным представляется изучение «периферийной» элиты, которая, собственно, и выступает главным действующим лицом политики: ее руками реализуются решения, которые принимаются монархом и его ближним кругом. Изучение ее роли и значения в реализации политических и иных решений, принимаемых верховной властью по согласованию с верхним эшелонem правящей элиты, к настоящему времени продвинулось не столь далеко. Развитие этих исследований представляется перспективным, несмотря на все трудности, с которыми сталкивается исследователь, вступивший на этот путь. В статье предлагается реконструкция на основе сохранившихся немногочисленных документов и материалов биографии одного из таких второстепенных военных деятелей эпохи Ивана Грозного — воеводы, князя Ю. И. Токмакова, — пик карьеры которого пришелся на Полоцкую войну 1562–1572 гг. Его биография представляет собой любопытный пример карьеры, сделанной благодаря личным талантам и способностям, которые позволили князю Токмакову войти со временем в ближний круг доверенных лиц царя Ивана Грозного, несмотря на то что он явно не обладал должной «дородностью».

Ключевые слова: раннее Новое время, военное дело, Русское государство, Иван Грозный, Ю. И. Токмаков, политическая и военная элита.

UDK 929.733

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.02

Penskoy Vitaly V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

penskoj@bsu.edu.ru; ORCID: 0000-0002-4092-8992

**THE MOST POWERFUL IN ISRAEL:
PRINCE YU. I. TOKMAKOV**

Abstract. “The retinue makes the king” is a well-known expression in a certain sense characterizes the relationship between the monarch and his entourage, clearly demonstrating the degree of involvement of the representatives of the ruling elite in state affairs and the dependence of the monarch on them in solving political and other issues arising in the course of state activity. It seems natural that historians are interested in the personalities surrounding the monarch and in their relationships. True, this interest rarely goes beyond the inner circle of the sovereign’s inner circle, although it is no less interesting to study the “peripheral” elite, which, in fact, is the main character in politics — the decisions that are made by the monarch and his inner circle are implemented through her hands. The study of its role and significance in the implementation of political and other decisions taken by the supreme power in agreement with the upper echelon of the ruling elite has not progressed so far to date. The development of these studies seems promising, despite all the difficulties that a researcher who has embarked on this path faces. The article proposes a reconstruction, based on the few documents and materials that have survived, of the biography of one of such minor military figures of the era of Ivan the Terrible — voivode Prince Yu. I. Tokmakov, whose career peaked in the Polotsk War of 1562–1572. His biography is a curious example of a career made thanks to personal talents and abilities that allowed Prince Tokmakov to enter, over time, into the inner circle of confidants of Tsar Ivan the Terrible, despite the fact that he clearly did not have the proper “corpority”.

Keywords: Early modern times, military affairs, Russian state, Ivan the Terrible, Yu. I. Tokmakov, political and military elite.

Введение. В знаменитой переписке Ивана Грозного с его бывшим «собинным другом», ставшим злейшим врагом, князем Андреем Курбским, есть один эпизод, который, собственно, и послужил началом нашей истории. В своем первом послании князь-диссидент обвинил царя в том, что он де «силных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти на враги твоя, различными смертями расторгли еси и победоносную святую кровь их во церквах божиих иролял еси и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси...»¹. Удивленный этой филиппикой, Иван ответил Курбскому так: «А еже писал еси: почто есмя сильных во Израили побили

¹ Первое послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 7.

и воевод, от Бога данных нам на враги наша, различными смертми разторгли есмя... то еси писал и глаголал ложно», ибо земля Русская сильна не «ипаты и стратиги», но «божиим милосердием, и пречистые Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением». Что же до воевод, продолжал Иван, то воевод своих различными смертми я не наказывал, и «з Божию помощию имеем у собя воевод множество, и опричь вас, изменников»².

В самом деле, один только костяк воеводского корпуса времен Ивана Грозного, по подсчетам Д. М. Володихина, насчитывал порядка 200 человек, не считая тех, кто эпизодически занимал незначительные посты в командной иерархии русского войска того времени³. Однако при этом, продолжал далее исследователь, для большинства из них сохранившиеся источники позволяют начертить их биографию лишь пунктиром и только немногие могут похвастать тем, что их судьба и карьера нашли более или менее полноценное отражение на страницах летописей, разрядных книг и актовых материалов⁴. Этим значимых (во всех отношениях) воевод Д. М. Володихин разделил на два эшелона. В первый вошли представители знатнейших, по преимуществу княжеских, фамилий, общим числом 35 человек. Имена этих больших воевод, обывкших ходить «под своим набатом», на слуху, о них знают и о них пишут. А вот что до воевод второго эшелона, в который вошли 57 человек⁵, то их имена и их деяния известны в подавляющем большинстве своем лишь немногим знатокам русской военной истории и русского военного дела раннемодерной эпохи, хотя они внесли немалый, а порой и решающий вклад в военные успехи Русского государства.

Среди этих малоизвестных и практически забытых воевод есть одна примечательная историческая персона, талант которой раскрылся в годы напряженной русско-литовской Полоцкой войны 1562–1570 гг. Речь идет о князе Юрии Ивановиче Токмакове.

Ход и результаты исследования. Начало истории Ю. И. Токмакова может быть отнесено к первому десятилетию XV в. Великий князь московский и владимирский Василий Дмитриевич воевал тогда со своим тестем великим князем литовским Витовтом. И вот в ходе этой войны, летом 1408 г., на службу к Василию неожиданно отъехал двоюродный брат Витовта князь Свидригайло. Позднее русский летописец писал об этом событии, что «того же лета (6916 г. — *В. П.*), месяца июля в 26 день, прииде к великому князю Василию Дмитревичю на Москву из Брянска князь литовский Съшвитригайло Олгердович служити»⁶.

² Первое послание Курбскому // Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 29–30.

³ Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011. С. 63–64.

⁴ Там же. С. 64–65.

⁵ Там же. С. 64–66.

⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 204.

Свидригайло, отношения которого с Витовтом с давних пор были весьма напряженными, отъехал в Москву не один, но, как и полагается владетельной персоне, в сопровождении блестящей свиты. «С нимъже и владыка брянский Исакий, — продолжал далее русский книжник, — да с нимъже князь Патрекей Звенигородский, да князь Александр Звенигородцкий из Путимля, да князь Феодор Александрович, да князь Семен Перемышльский, да князь Михайло Хотенский, да князь Уруста Менский и бояре Черниговстии и Брянстии и Стародубстии и Ярославские»⁷.

Надо полагать, Василий I, уже третий год без особых успехов воевавший с Витовтом, был немало обрадован такому подарку судьбы и щедро одарил Свидригайло: «дал ему град Володимерь со всеми волостми, и с пошлинами, из селы, и с хлебы земляными и стоячими, також и Переяславль со всем потому ж, такоже и Юрьев Полский со всем потому же, такоже и Волок Ламский со всеми потому же, и Ржеву, и половину Коломны»⁸. Однако радость московского князя была недолгой: Витовт, обеспокоенный тем, что его старый враг и соперник обосновался в Москве, выставил одним из условий мира с Василием выдачу ему Свидригайлы. Поразмыслив, Василий согласился с таким предложением, однако не стал препятствовать Свидригайле бежать к татарам.

Бежал ли вместе с ним князь Александр Звенигородский, доподлинно неизвестно, однако позднейшие московские родословцы дружно называют его прародителем княжеского дома Звенигородских⁹. О судьбе самого князя Александра, праправнука князя Михаила Всеволодича Черниговского, ни летописи, ни родословцы ничего не сообщают. Однако, судя по тому, что его средний сын Иван Большой был боярином и воеводой Василия II, князь Александр сделал правильный выбор и остался на службе Василия I, а потом встал на сторону его сына Василия II, обеспечив тем самым карьеру своих сыновей при московском дворе. Знаток русской раннемодерной истории А. А. Зимин отмечал в своем исследовании, посвященном московской знати, что «судьба Звенигородских весьма примечательна», ибо «она показывает, как младшие ветви княжеских фамилий (лишенные родовых земель) переходили на великокняжескую службу и достигали значительно больших успехов, чем их старшие родичи, служившие в уделах»¹⁰.

Благодаря отцовским заслугам второй сын Ивана Большого Василий Ноздроватый сделал неплохую карьеру при дворе Ивана III и его сына Василия, отличившись в первую очередь на дипломатическом поприще, однако боярства он так и не получил, оставшись в чине окольничего. Вообще, как отмечал тот же Зимин, несмотря на прочные позиции при дворе, потомки Александра Звенигородского

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См., например: Росписи потомков князя Михаила Черниговского из сборника Дионисия Звенигородского // Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 75.

¹⁰ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 57–58.

оставались на вторых ролях, «особой корпорации не образовывали, несли службу с “города”»¹¹. Иван Токмак, старший сын Василия Ноздроватого, воеводство-вал при Василии III и наместничал на Двине, но ни боярства, ни окольниковства достать не сумел. Умер он еще до 1550 г., поскольку ни в Дворовую тетрадь, ни в Тысячную книгу, составленные примерно в это время, вписан не был.

Однако вне зависимости от того, считать ли карьеру Ивана Токмака успешной или нет, он сумел создать неплохие стартовые позиции для своих сыновей Юрия и Василия, вписанных в Дворовую тетрадь как дети боярские коломенские, служившие по Кашире (правда, судя по тому, что их сестра была выдана отцом замуж за князя Андрея Дашкова¹², захудалого потомка смоленских князей, братья родились хоть и не с деревянной ложкой во рту, но уж точно не с серебряной и тем более не с золотой). Вписаны были оба сына Ивана Токмака как дети боярские «другой статьи» (не первые, но и не последние) и в Тысячную книгу¹³, оказавшись тем самым в числе избранных детей боярских, «лучших слуг», которые составили своего рода царский «кадровый резерв» для замещения командного состава в армии и высших административных должностей. Правда, на первых порах карьера у старшего Токмакова, похоже, не заладилась: младший брат опередил старшего на этом поприще. Эта задержка была, видимо, следствием темного дела с тяжбой о половине села Гравороново в Коломенском уезде, которое заложил И. В. Шереметеву Большому двоюродный брат Юрия и Василия, князь А. П. Ноздроватый. В ходе тяжбы братья были обвинены в подделке деловых бумаг, так что председательствовавший в суде царь Иван Васильевич присудил «на князе на Юрье да князе на Василье на княж Ивановых детех Токмакова с вынятые кабалы с полутретья ста ж рублей пошлины и убытки на них взяти»¹⁴.

Кстати, тот факт, что в 1547 г. Юрий Токмаков участвует в тяжбе, причем, судя по материалам дела, играя ведущую роль в ней со стороны ответчиков, свидетельствует в пользу предположения, что к этому времени он был уже вполне взрослым, состоявшимся человеком, возможно, что и женатым. Следовательно, он должен был появиться на свет не позднее 20-х гг. XVI в., а быть может, даже и несколько раньше. В 1557 г. князь Юрий, разменявший к тому времени четвертый десяток лет, впервые появляется на страницах разрядных книг в роли второго воеводы небольшого пограничного городка Дедилов. Отсюда он на Петров день (29 июня ст. ст.) 1558 г. был переведен в Тулу под начало первого тульского воеводы, князя А. М. Курбского¹⁵. Так состоялась первая «именная» служба нашего героя, хотя, вне всякого сомнения, за его плечами были как минимум три казанских

¹¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 58.

¹² Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. СПб., 1857. Стб. 199, 213.

¹³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 59, 158.

¹⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Стб. 214.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 23, 38.

похода в составе двора царя Ивана Васильевича, да и выходы государя со своим двором на «берег» для «встречи» крымского «царя» с его воинством, как это было в том 1546 г., явно не обошлись без участия нашего героя. И тот факт, что князь Юрий в 1557/58 гг. «годовал» пусть и вторым, но все же воеводой, в пограничном городке, позволяет предположить, что в 1552 г. он уже был сотенным головой в одном из полков (вероятно, в государственном) в последнем казанском походе Ивана Васильевича.

Воеводство в Дедилове и в Туле стало первым шагом по карьерной лестнице для нашего героя. Шагом, правда, неспешным — следующая его «именная» служба относится к 7068 (1559/60) г. Теперь князь воевествует в Шацке — еще одном пограничном городке на крымской «украине». При этом, согласно разрядным росписям, шацкий воевода со своими людьми должен был явиться на сбор в большой полк береговой рати под начало большого воеводы, князя И. Д. Бельского в качестве сотенного головы (что косвенно свидетельствует о немногочисленности вверенного ему гарнизона Шацка). Когда же выяснилось, что большого вторжения не будет, князь Юрий вернулся к своим обязанностям шацкого воеводы¹⁶.

Воеводство в небольших пограничных крепостцах, на первый взгляд, как будто незначительное, тем не менее при более пристальном и внимательном отношении к делу становилось для начинающего воеводы хорошей школой. Достаточно обратиться к тем наказам, которые получали из Разрядного приказа воеводы, отправляясь на «годование»: в них прописывался широчайший круг обязанностей городского воеводы, «дела земские и городское строенье, и всякие городские и острожные крепости, и тамги, и села, и о банех о устрое, и о всяких земских и ратных делах...»¹⁷. Следует обратить внимание на такую любопытную подробность, которая содержится в этих наказах: воеводам предписывалось, действуя согласно присланным из Москвы наказам, все-таки проявлять разумную инициативу и предприимчивость, «посмотря по тамошнему делу, как будет пригоже»¹⁸. Одним словом, при ответственном, неформальном отношении к порученным обязанностям начинающий стратиг получал уникальную возможность набраться реального военного и административного опыта, стать специалистом в «малой» войне, в организации разведывательной и контрразведывательной службы, отточить навыки фортификатора и артиллериста — в общем, стать

¹⁶ Там же. С. 67, 71, 75.

¹⁷ См., например, наказ Мисюрю Соловцову, назначенному воеводой в городок Ядрин: Акты служилых землевладельцев. Т. 3. М., 2002. С. 328–329; см. также: Наказ боярину князю Петру Ивановичу Шуйскому // Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / публ. и авт. вступ. ст. К. В. Баранов. М., 2004. С. 144–147 (Русский дипломатический. Вып. 10); Наказ от боярина и воеводы кн. Дм. Тим. Трубецкого рязьскому воеводе Родиону Федорову // Акты XIII – XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А. Юшков. Ч. 1. 1257–1613 гг. М., 1898. С. 332–333 и др.

¹⁸ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 147.

мастером на все руки. И, как показали дальнейшие события, князь Юрий сполна воспользовался представившейся ему возможностью.

После длившейся несколько лет службы в пограничных городках-крепостях карьера князя Юрия постепенно начала выправляться. Очевидно, что его рвение и ответственное отношение к своим служебным обязанностям было замечено и оценено, и в 7070 (1561/62) г. князь Ю. И. Токмаков появляется на страницах разрядных книг уже в ином качестве: теперь он второй воевода в полку левой руки в Серпухове в береговом разряде¹⁹. Конечно, второй воевода полка левой руки — не самая значимая должность в иерархии полковых воевод, она находилась в нижней части служебной пирамиды. Однако это все лучше, чем сотенный голова, и лучше, чем воевода в небольшом «украинном» городе, где под твоим началом ходит та же самая сотня детей боярских.

В кампанию 1562 г. береговому разряду, который по устоявшейся к тому времени традиции разворачивался вдоль Оки с наступлением весны в ожидании возможного вторжения крымцев, отводилась особая роль. С началом очередной русско-литовской войны главные силы русского войска были направлены на литовский фронт, а полки на берегу должны были противодействовать попыткам крымского «царя» Девлет-Гирея атаковать государеву «украину». Хан тем временем готовился к реваншу за перенесенные им унижения в ходе русского наступления на Крым в предыдущие годы, тем более что обстановка в низовьях Днепра и в Таврических степях благоприятствовала его планам. Союзники Ивана Грозного — ногаи — прекратили свои набеги на крымские кочевья, а служивший Ивану IV князь Д. Вишневецкий, изрядно беспокоивший со своими казаками крымские улусы, перешел на сторону Сигизмунда II, короля польского и великого князя литовского.

В начале лета 1562 г. Девлет-Гирей во главе немногочисленной рати (русские летописцы оценивали ее численность в 15 тыс. чел.) объявился под Мценском и распустил своих воинов грабить и опустошать окрестности городка. Гарнизон городка сел в осаду, а полки береговой рати во главе с воеводой, князем М. И. Воротынским двинулись на помощь осажденным²⁰. Однако настичь «царя» воеводам не удалось, он сумел уйти в степь безнаказанным. Иван Грозный, пребывавший тогда в Можайске в готовности выступить против своего недруга, великого князя литовского Сигизмунда II²¹, из-за вторжения крымцев был вынужден отложить свой поход, и промедление Воротынского стало причиной его опалы. На князе же Юрии царский гнев на большого воеводу никак не сказался. Можно предположить, что он, как один из младших воевод, действовал в авангарде русской рати и поучаствовал в серии стычек с татарами, своей активностью и удачливостью обратив на себя внимание

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 97–98.

²⁰ Там же. С. 99.

²¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 341.

государя. Во всяком случае князь Юрий после мценского похода покидает крымскую «украину» и отправляется на северо-запад. Леса и болота Бело-руссии и Ливонии надолго стали местом приложения его талантов воеводы и администратора.

Очередная, шестая по счету русско-литовская война, которую по главной ее цели — взятие города Полоцка — можно смело назвать Полоцкой, началась в 1562 г. (хотя де-факто — годом ранее, когда литовцы атаковали ливонский замок Тарваст, занятый русским гарнизоном, и взяли его). Первая кампания не привела к сколько-нибудь серьезным подвижкам, в том числе и потому, что союзник великого князя литовского и короля польского Сигизмунда II крымский «царь» Девлет-Гирей I совершил, как уже было отмечено выше, набег на Мценск. Однако неопределенный исход первого года войны только укрепил желание Ивана Грозного нанести по его недругу удар такой силы, чтобы сразу расставить все точки над «и». Вскоре после возвращения царя в столицу началась подготовка нового государева похода.

Полоцкая экспедиция 1562/63 г. стала, пожалуй, крупнейшим военным предприятием Ивана Грозного. В нем приняло участие около 40–50 тыс. ратных людей (без учета обозной прислуги и посошных людей), разделенных на семь полков, и многочисленный «большой», «средней» и «лехкой» артиллерийский «наряд». Среди них был и князь Юрий, назначенный сотенным головой в государевом полку. Под его началом, согласно «Записной книге Полоцкого похода», были «стряпчей 1 ч., жилцов 3 ч., выборных 10 ч., дворовых 7 ч., городских мещан 133 ч.; и всего 150 ч.» (с учетом послужильцев детей боярских сотня князя насчитывала около или даже больше 200 всадников). Обращает на себя внимание, что в росписи сотен и их голов Юрий Токмаков стоит тринадцатым из тридцати сотен и сотников²².

В составе государева полка князь Юрий и его сотня проделали весь долгий и тяжелый путь из Москвы до Можайска, оттуда — в Великие Луки и затем — через Невель к Полоцку. 15 января 1563 г. он и князь Иван Охлябинин были посланы царем «к заторам» наводить порядок в обозе и «проталкивать» вперед сани с грузами ратников государева полка²³. Спустя две недели, 30 января 1563 г., уже под самым Полоцком («от Полотцка города за пять верст») Иван Грозный послал заставу, в состав которой была включена сотня Токмакова, занять монастырь св. Бориса и Глеба за Двиной на другом берегу реки. Здесь, в монастыре, князь Юрий со своими людьми простоял сутки до следующего дня, пока в него не прибыл сам царь²⁴.

Новое появление князя Юрия и его сотни на страницах «Записной книги» состоялось 9 февраля, когда он со своими людьми был послан под город переменить сотенных голов И. Воронцова и В. Карпова из состава государева

²² Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 133.

²³ Там же. С. 136.

²⁴ Там же. С. 138.

полка. Выход сотни Токмакова на позиции совпал по времени с эвакуацией «большого» полоцкого острога и начавшимся в нем пожаром (видимо, литовцы и наемные польские жолнеры подожгли острог) и его штурмом, который предприняли стрельцы и казаки по своей инициативе. На помощь им были присланы Иваном Грозным сотни его полка, но князь Юрий со своими людьми в этом штурме не участвовал, оберегая от случайностей осадные работы и позиции наряда, и принимал выбежавших из горящего острога полочан, «черных людей мужиков и жен их и детей всякого человека».

На следующий день сотня князя Юрия была сменена на передовых позициях и ушла в лагерь, вернувшись после трехдневного отдыха в первую линию 15 февраля, в день сдачи города, чтобы охранять взятых в плен польских жолнеров и шляхтичей, служивших в полоцком гарнизоне²⁵.

Нетрудно заметить, что отличиться в «прямом деле» с литовцами и поляками князю Юрию и его людям под Полоцком не довелось: пушкари наряда и стрельцы с казаками вместе с посошными людьми сделали всю грязную работу и создали все необходимые условия для того, чтобы полоцкий гарнизон, не выдержав мощной бомбардировки, не дожидаясь штурма, решил капитулировать. Тем не менее служба князя была замечена царем, и на обратном пути в Москву Иван Грозный оставил Токмакова первым воеводой в Невеле — важном городе на подступах к Полоцку²⁶. Так закончилась для нашего героя «полоцкая служба», позволившая ему сделать еще один шаг вверх по карьерной лестнице.

Годование в Невеле подошло к концу, и князь Юрий получил из Разрядного приказа предписание присоединиться со своими людьми к рати князя П. И. Шуйского, которая должна была совершить большую набеговую операцию в литовские земли²⁷. Перед Шуйским была поставлена задача, выступив из Полоцка, соединиться под Оршей с другой ратью, ведомой воеводами, князьями В. С. и П. С. Серебряными, совершить опустошительный рейд во владения Сигизмунда II и тем самым дать московским дипломатам хорошие козыри на переговорах о заключении перемирия. Однако этот поход завершился неудачей. Князь Шуйский, один из опытнейших полководцев Ивана Грозного, на этот раз совершил ставшую роковой и для него, и для его воинства ошибку. Недооценив неприятеля, он не предпринял необходимых мер предосторожности и на р. Ула, под местечком Чашники, был неожиданно атакован литовцами, которыми руководил наивысший гетман Н. Радзивилл Рыжий и потерпел поражение. Сам большой воевода погиб во время беспорядочного отступления, в плен попало несколько воевод и голов, многие дети боярские и стрельцы погибли или попали в плен.

Князь Юрий, который в этом походе снова был сотенным головой (возможно, в большом полку), уцелел и сумел не попасть в литовский полон. А еще

²⁵ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 140, 142, 148.

²⁶ Там же. С. 150.

²⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 149.

он получил очень важный урок, который, как показали дальнейшие события, пошел ему впрок, — нельзя пренебрегать организацией боевого охранения и разведкой, тем более недооценивать противника, если хочешь уберечь себя от знатных неприятностей.

После неудачного зимнего похода 1564 г. наш герой вернулся в Невель, где продолжил выполнять обязанности первого городского воеводы, но эта его служба продолжалась недолго. В Москве после обидной неудачи на р. Ула решили взять реванш. С этой целью в Калуге, Великих Луках и Вязьме были собраны три рати под началом больших воевод, князей В. М. Глинского, И. Ф. Мстиславского и И. Д. Бельского. В Вязьме же и во Ржеве собраны были также и служилые татары под началом бывшего казанского «царя» Шигалея (Шах-Али). Всего же на западной и юго-западной границах было собрано до 25–30 тыс. сабель и пищалей. Князь Ю. И. Токмаков получил назначение вторым воеводой передового полка в великолуцкую рать²⁸.

Собрав на западной и юго-западной границах внушительную по тем временам группировку сил, Иван Грозный и его бояре тем не менее решили придерживаться оборонительной стратегии. На крымской «украине» было беспокойно, и в Москве решили удерживать Полоцк, отвечая короткими контр-ударами на выпады литовцев, рассчитывая подловить их так, как это сделал Радзивилл с Шуйским. Одновременно царь и бояре рассчитывали постепенно расширить свою сферу влияния на Полочанщине, отмечая свое продвижение постройкой новых крепостей на оспариваемых территориях.

В рамках этой новой стратегии летом – осенью 1564 г. развернулись упорные бои вокруг литовской пограничной крепости Озерищи. Касаясь значения той небольшой крепости, польский историк М. Плевшиньский писал: «Замок этот лежал примерно в 17 км от дороги, соединявшей Великие Луки с Полоцком, и тем самым парализовал важнейшую коммуникацию, связывавшую две этих крепости»²⁹. После того как переговоры о перемирии не задались, убрать этот литовский форпост, опираясь на который литовцы могли препятствовать снабжению Полоцка, становилось насущной необходимостью для русского командования. В ходе этой кампании и отличился наш герой, впервые выступив в качестве большого воеводы со «своим набатом», т. е. командуя пусть и небольшой, но вполне самостоятельной ратью.

Князь Токмаков приступил к активным действиям летом 1564 г. Вот как об этом писал неизвестный русский книжник, составляя официальную летопись: «Месяца Июля в 22 день царев и великого князя воевода князь Юрьи Иванович Токмаков ходил с Невля к Литовьскому городку к Озерищу с конными людьми и с пешими да и с судовыми людьми, а людей с собою имал в насадех и наряд с собою имал лехкой»³⁰.

²⁸ Там же. С. 156–158.

²⁹ *Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. Lata 1548–1575. Zabrze, 2012. S. 183.*

³⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. С. 384.

О том, как развивались события дальше, есть две версии — русская и литовская. Согласно первой, воевода, подступив к Озерищам, выгрузил на берег из насадов артиллерию, стрельцов с казаками и посоху и начал вести осадные работы. На всякий случай, вдруг литовцы попробуют помочь осажденным, он приказал устроить засеки на дорогах, которые вели к Озерищам³¹. Эта предосторожность оказалась совсем не лишней. Спустя четыре дня после начала осады князь Юрий получил известие от сторожей, что к крепости выдвигается большая рать, насчитывающая ни много ни мало, а целых 12 тыс. конных и пеших воинов. Не дожидаясь, пока неприятель подступит к его позициям, Токмаков приказал погрузить наряд обратно в насады вместе с частью пехоты и посохой, а сам во главе конницы и отборной пехоты пошел навстречу неприятелю. Атаковав неприятельский авангард, расчищавший засеки, Токмаков побил его и взял полсотни языков, но затем к месту боя подошли главные силы литовцев, после чего воевода приказал перебить пленных и «пришел на Невль здорово»³².

Литовская версия, которую сообщает польский хронист М. Стрыйковский, в корне отличается от русской. По его словам, узнав о том о том, что 13 тыс. московитов (заметим, что в служебной переписке наивысшего гетмана Н. Радзивилла Рыжего с двоюродным братом Н. Радвизиллом Черным, литовским канцлером, размер войска Токмакова оценивался в 6 тыс.³³) подступили к Озерищам, наместник Витебска Стефан Пац во главе двухтысячного отряда из местной шляхты, казаков и наемных жолнеров немедленно поспешил на помощь к осажденным, изгоном напал на неприятеля и наголову побил его, положив на месте 5 тыс. московитов, взял весь обоз и артиллерию, а главный русский воевода был ранен, но сумел скрыться³⁴.

Какой из этих версий отдать предпочтение? Судя по дальнейшему развитию событий, русская выглядит достовернее. За столь эпичный разгром и утрату всего обоза с артиллерией такой воевода не самого высокого полета, как Токмаков, в лучшем случае отделался бы опалой, а в худшем мог бы поплатиться и головой — царь Иван был горяч и скор на расправу. Вместо этого князь Юрий участвует в осеннем походе того же года на Озерищи в качестве первого воеводы при наряде³⁵. Действия наряда под его руководством оказались успешными: после короткой осады и штурма Озерищи 6 ноября пали. При этом, отписывали в Москву царю воеводы, «город и до основания выгорел,

³¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. С. 384.

³² Там же. С. 385.

³³ *Piawski K.* Niedoszła wypraw t. z. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (Rok 1567–68) // *Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe, poświęcone badaniu przeszłości ziem W. X. Litewskiego.* R. IV. Z. 13. Wilno, 1927. S. 263.

³⁴ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 415. Ср.: *Gwagnin A.* Kronika Sárnácycy Europskiej. Krakow, 1611. S. 127–128. Гваньини оценивает число убитых московитов в 8 тыс.

³⁵ См., например: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 167–169.

а дворы господские и посадские и острожные все выжгли», и «никаков человек из города не утек», а «державу озеричкого пана Мартина Островицкого со многими королевскими дворяны и Ляхов и дрябей и земских людей многих поимали»³⁶.

Касаясь значения этого успеха русского войска, которое в очередной раз показало, что в Восточной Европе у него нет равного соперника в искусстве взятия крепостей, белорусский историк А. Н. Янушкевич отмечал, что «захват Озериц был особенно досаден на фоне блестящей победы под Улой в начале года» и это событие «зафиксировало оцепеневшее состояние оборонительной системы [Литовского] княжества, ее неспособность оперативно реагировать на внезапные действия противника...»³⁷. Узнав о падении Озериц, литовские радные паны запаниковали и предложили Сигизмунду II оставить и другие крепости на Полочанщине — Дриссу, Дубровно, Сураж и Радомль — и поспешить заключить с Иваном IV перемирие³⁸. Правда, Сигизмунд на этот раз проявил недюжинную выдержку и силу воли и настоял на продолжении войны, однако сам факт такого предложения говорит сам за себя и в том, что такая ситуация сложилась, есть и немалая заслуга нашего героя.

После взятия Озериц Токмаков был оставлен воеводой в городке³⁹. Перед ним встала сложная задача — восстановить крепость, обустроить ее, привести в порядок и подготовить к обороне на тот случай, если литовцы попробуют отбить ее. Тот факт, что князь Юрий был оставлен воеводой этой стратегически важной крепости, косвенно свидетельствует в пользу того, что Иван Грозный доверял ему и летнее отступление от Озериц вовсе не было той катастрофой, какая вырисовывается из польских источников. И воевода справился со своей задачей, больше того, по приказу князя и при его участии был составлен «список Озерицкого рубежа», который хранился в царском архиве в ящике за № 220⁴⁰. Параллельно воевода не давал покоя неприятелю: Сигизмунд II жаловался Ивану Грозному, что де озеричский воевода посылал своих людей грабить села в Витебской округе и Усвятскую волость, поэтому не мог бы его брат в качестве жеста доброй воли отправить грамоту с запретом тревожить литовское порубежье с московской стороны?⁴¹

Закончив свое годованье в Озерицах и пережив благополучно мор, который поразил в это время гарнизон крепости (а потом пошел дальше, положив начало эпидемии, терзавшей Русское государство еще несколько лет), князь

³⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. С. 391.

³⁷ Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М., 2013. С. 104.

³⁸ *Listy oryginalne Zygmunta Augusta do Mikołaja Radziwiłła Czarnego, wojewody wileńskiego marszałka I kanclerza* W. X. L. Wilno, 1842. S. 228, 244.

³⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 168.

⁴⁰ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 42.

⁴¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3: 1560–1571. СПб., 1892. С. 325–327 (Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 71).

очень скоро получил новое назначение. В разрядной росписи 7075 (1566/67) г. князь Юрий числится воеводой передового полка малой трехполковой рати, собранной в Великих Луках для усиления, буде на то возникнет необходимость, Полоцкого гарнизона⁴². Однако планы «московской ставки» вскоре переменялись, и перед Токмаковым была поставлена новая задача. Некий Игнат Иванович, литовский полоняник, выбежавший в Витебск из московского плена, сообщил тамошнему наместнику Станиславу Пацу, что московский воевода Юрий Токмаков, имея в своем распоряжении 700 стрельцов и 70 пушек, «горлом подказал» выгнать литовцев из небольшой пограничной крепости Сорицы⁴³. Однако целью Токмакова была не Сорица.

«Повелением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставлен бысть в его государеве вотчине в Полотцком повете за Двиною-рекою, к Виленскому рубежу, на озере на Суше на острове город». Эту крепость, названную Копьем, и ставил наш герой. По словам русского книжника, князь Юрий «пришел на то место безвестно, и сел на острове со всеми людьми, и наряд и лес городовый и запасы свои перепровадил на остров; и город поставил вскоре городовыми людьми, которыми тут годовати, и посошными людьми, и по государьскому приказу укрепил»⁴⁴.

Этот шаг русских для литовцев оказался неожиданным: они рассчитывали на нападение на Сорицу, а вместо этого отряд Токмакова совершил быстрый марш в другом, южном направлении и ошанцевался на острове посреди озера Суша. Пока князь и его люди поспешно возводили укрепления на острове, двое других воевод, князя П. Серебряный и В. Палецкий, присланные оберегать Токмакова и его людей во время строительства⁴⁵, позасекли дороги, ведущие с литовской стороны к Суше, однако вновь допустили ставшую стандартной для многих московских воевод ошибку — не обеспечили охранение и дозоры на подступах к своему лагерю. Этим воспользовался выполнявший обязанности дворного гетмана литовский князь Р. Сангушко, толковый и предприимчивый полевой командир, мастер малой войны. Собрав небольшой отряд (почти 1,5 тыс. конницы с 0,5 тыс. пехоты и небольшим нарядом), гетман стремительным маршем выдвинулся к Суше и утром 25 июля внезапно атаковал не ожидавших его удара русских воевод. Псковский летописец писал потом, что «которые люди московския присланы на блюдение делавцов, князь Петр Серебряных да князь Василей Дмитриевич Палицкого, и литовския люди пригнав изгоном, на зори, да многих прибили, и князя Василья Палицких убили, а князь Петр Серебряных убегл в Полоцко»⁴⁶.

Литовцы одержали очередную победу, которую не преминули раздуть до размеров генерального сражения, решившего исход кампании: польские хронисты М. Бельский и М. Стрыйковский расписали в красках, как 2 тыс. литвинов

⁴² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 214–215.

⁴³ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Т. 7. Lwów, 1910. S. 158.

⁴⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 13. С. 408.

⁴⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 219.

⁴⁶ Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 249.

наголову разбили то ли восьми-, то ли семнадцатитысячное войско московитов, взяли обоз, массу всякой амуниции, пленных и т. п. Один из воевод русских бежал, другой был ранен, взят в плен и умер там от ран, а сам Токмаков бежал на остров по наскоро устроенному мосту, при этом целая тысяча московитов утонула в озере⁴⁷. Однако реальность была весьма далека от победных реляций и записей в хрониках. Да, Серебряный и Палецкий были разбиты, но отряд Токмакова — нет. Он завершил работу. Больше того, он и его люди не только отбили все попытки литовцев выбить их с острова, но и, пользуясь тем, что у Сангушко было мало людей и блокада вокруг Копья была дырявой, как решето, беспрепятственно совершали вылазки с острова за строительными материалами на литовскую территорию и довели начатое дело до конца, не говоря уже о том, что своими вылазками и набегами на литовскую территорию, сопровождавшимися захватом языков, гарнизон Копья стал предметом постоянной головной боли у литовских властей и командования⁴⁸. Активность Токмакова в Копье этим не ограничивалась: в служебной переписке литовских воевод осенью 1567 г. есть сведения, что Токмаков собирается поставить еще одну крепость под Сушей⁴⁹.

Однако этим его планам не суждено было сбыться: у Ивана Грозного были свои замыслы относительно того, что делать дальше. Провал очередной «дипломатической сессии» привел к тому, что царь решил на время отложить возведение новых крепостей и активизировать боевые действия, предприняв большой поход против Сигизмунда. Токмаков же, отбыв очередной срок на воеводстве в пограничной крепости, был отозван из Копья.

Без дела князь Юрий пребывал недолго. В служебной переписке князя Р. Сангушко с его подчиненными есть любопытное сообщение неких доброхотов, которые доводили до сведения литовского командования, что де в Москве готовят операцию по освобождению взятой литовцами «изгоном» крепости Ула и для этого в Опочке собирается войско под началом тамошнего воеводы. Среди воевод, которые должны были участвовать в этом походе, был, по сообщению литовских «щпегков», и князь Ю. Токмаков, который якобы пообещал Ивану Грозному вернуть Улу. Увы, поход этот не имел успеха: из-за эпидемии чумы, продолжавшей терзать Русскую землю, войско, отряженное для возвращения Улы, было вынуждено вернуться с дороги из-под Полоцка⁵⁰.

В следующий раз в разрядных записях князь Юрий появляется зимой 1569 г. Незадолго до этого литовцы «искрадом» захватили пограничный псковский

⁴⁷ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. S. 174, 175; *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszystkiej Rusi. T. 2. S. 416; *Kronika Marcina Bielskiego.* T. 2. Sanok, 1856. S. 1164.

⁴⁸ См.: Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. Т. 2. М.; Варшава, 1997. С. 256; Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. S. 184, 188–189.

⁴⁹ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. S. 207.

⁵⁰ Ibid. S. 296.

«пригород» Изборск. Этот демарш вызвал немедленную ответную реакцию Москвы и для освобождения Изборска была сформирована большая земская и опричная рать, в которой наш герой командовал нарядом⁵¹. Операция по возвращению города под власть московского государя была осуществлена молниеносно: на все про все у русского командования ушло две недели. Земские и опричные воеводы, «к Изборску пришед город Изборск осадили и из наряду по городу били; и Божиим милосердием Изборск у литовских людей взяли», а взятая сотня пленников была отправлена в Москву как символ одержанной победы⁵². Довольный успехом, Иван Грозный щедро наградил воевод и начальных людей своего войска, отправив к ним своего гонца, сына боярского Романа Бутурлина, с золотыми⁵³. Свой знак отличия получил и Ю. Токмаков.

Однако не только наградным золотым был отмечен князь Юрий после изборской оказии. Вскоре он получает новое назначение — в Псков, воеводой. И назначение это было, судя по всему, непростым. В описи архива Посольского приказа, датированной 1626 г., сохранилось упоминание о «столпе», «а в нем статейной список из сыскного из изменного дела 78-го году на новгородцкого архиепискупа на Пимина, и на новгородцких дьяков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве з бояры с Олексеем Басмановым и с сыном ево с Федором, и с казначеем с Микитою с Фуниковым, и с печатником с Иваном Михайловым Висковатого, и с Семеном Васильевым сыном Яковля, да з дьяком с Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасьем Вяземским о здаче Великого Новагорода и Пскова, что архиепископ Пимин хотел с ними отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии хотел и злым умышленьем извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича...»⁵⁴.

Печальную судьбу новгородцев, заподозренных в измене, могли повторить и псковичи: в том же архиве Посольского приказа хранилось и донельзя ветхое сыскное дело на псковичей, с пометкой «извет про пскович, всяких чинов людей, что они ссылалися с литовским королем Жигимонтом»⁵⁵. Однако Псков избежал новгородской участи. Традиция приписывает спасение Пскова от царского гнева Николе Салосу, однако, на наш взгляд, главную роль в этом сыграл псковский воевода. Можно предположить, что его посылка во Псков была связана с полученным Иваном Грозным сообщением о намерении псковичей отложиться от Москвы, и князь Токмаков, помимо всего прочего, должен был произвести соответствующий розыск. Воевода, произведя соответствующие

⁵¹ См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 240.

⁵² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. С. 585.

⁵³ Там же. С. 241.

⁵⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 257.

⁵⁵ Там же. Ч. 2. С. 6.

следственные действия, установил, что донос на псковичей, положенный на стол Ивану, был «изветом», т. е. подлогом, клеветой, и царь пощадил Псков, который, в отличие от Новгорода, отделался легким испугом.

Из Пскова Токмаков отправляется под Ревель. Старый ганзейский город с самого начала войны за Ливонское наследство стал яблоком раздора между главными участниками этого конфликта — Россией, Швецией и Польско-Литовским государством. Зимой 1570/71 г. Иван Грозный, поверив обещаниям своего «подручника», ливонского «королька», датского принца Магнуса, которого он сам и сделал правителем части Ливонии, решил попытать счастья и взять Ревель под свою высокую руку. Однако его попытка уговорить ревельцев перейти под его покровительство успеха не имела, равно как последовавшая за этим попытка взять город осадой. Русский наряд, которым руководил Токмаков, хотя и произвел внушительное впечатление на осажденных (ливонский хронист Ф. Ниенштедт писал, что русские обстреливали Ревель из пушек, метавших каменные ядра весом в 16 и 25 фунтов⁵⁶), но этого оказалось мало — горожане держались, а вскоре в русском лагере началась чума и осаду пришлось снять. Выделенных сил оказалось явно недостаточно: немецкий авантюрист А. Шлихтинг (попавший в плен во время взятия Озерищ, но сумевший бежать) сообщал, что русские имели под Ревелем всего лишь 7 тыс. человек (в том числе Токмаков — 3 тыс.⁵⁷), да и осадный парк артиллерии существенно уступал в численности и в мощи тому, который был направлен девятью годами раньше на Полоцк.

Неудача ревельского «взятия» никак не сказалась на карьере нашего героя. Иван Грозный по-прежнему сохранял к нему свое расположение. Зимой 7080 (1571/72) г. Князь Юрий исполняет роль первого воеводы при наряде в составе рати, во главе которой Иван Грозный намеревался отправиться «чинить недружбу» шведскому королю Юхану III⁵⁸. Поход, правда, не состоялся, потому «что били челом государю свийские немцы послы Павел бискуп абовской с товарищи», и Иван ограничился тем, что послал на Выборг «лехкую рать» во главе с татарским «царем» Саин-Булатом Бекбулатовичем⁵⁹.

Князю Токмакову не удалось применить свои навыки специалиста по применению артиллерии против шведов, но не прошло и полугода, как у него появился шанс показать себя как мастера-фортификатора. В мае 1571 г. в ходе вторжения крымского «царя» Девлет-Гирея I русские войска потерпели неудачу в битве с татарами под стенами столицы, а сама Москва дотла сгорела в грандиозном пожаре, который начался во время сражения. Попытки хана продиктовать

⁵⁶ Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 4. Рига, 1883. С. 41.

⁵⁷ Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шилхтингом, о жизни и тираннии государя Ивана // Записки о Московской войне (1578–1582) / Рейнгольд Гейденштейн. Новое известие о России времени Ивана Грозного / Альберт Шлихтинг. О Москве Ивана Грозного / Генрих Штаден. Рязань, 2005. С. 376.

⁵⁸ Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 293.

⁵⁹ Там же. С. 293–294.

Ивану Грозному условия мира с позиций силы не имели успеха, поэтому новый поход «царя» был неизбежен, и, понимая это, в русской столице интенсивно готовились к отражению вторжения всю осень, зиму и весну 1571/72 г. В росписи воевод на кампанию 1572 г., составленной в Разрядной книге, указано, что князь Ю. И. Токмаков назначен «на Москве быть для осады»⁶⁰. Исполняя де-факто обязанности московского наместника⁶¹, князь отвечал за подготовку столицы к отпору: задача более чем серьезная и сложная, принимая во внимание плачевное состояние московских фортификаций и самого города после упомянутого майского пожара 1571 г. К счастью, проверить, насколько успешно Токмаков выполнил возложенные на него обязанности, не довелось, ибо государевы ратные люди во главе с большим воеводой, князем М. И. Воротынским в многодневном сражении на берегах Оки и при Молодях разбили неприятеля и вынудили хана отступить со срамом в Крым.

Любопытная подробность: под занавес «стояния» при Молодях, если верить известию позднейшего Пискаревского летописца, в руки татарских сторожей попался гонец, посланный из Москвы князем Токмаковым к князю Воротынскому. При гонце была грамота, в которой московский осадный воевода писал Воротынскому, чтобы тот «сидел» в лагере «безстрашно», ибо идет де к нему и его товарищам, полковым воеводам, на помощь «рать наугородцкая многая». Гонец же на допросе под пыткой показал, что якобы ратью этой командует сам Иван Грозный, а в авангарде его полков в Москву прибыл боярин И. Ф. Мстиславский с 40 тыс. воинов и что он сам был очевидцем прихода этого войска⁶². Эта хитроумная стратагема князя Токмакова сыграла немаловажную роль: хан и его думные люди, удрученные большими потерями и пленением «царской думы», его правой руки и лучшего военачальника Дивей-мурзы, порешили прекратить попытки взять штурмом русский укрепленный лагерь, в котором засел Воротынский со своими людьми, и отступить.

Иван Грозный остался доволен службой князя Юрия, которую можно оценивать как высшую точку в его карьере и как признание со стороны царя военных и административных талантов Токмакова: фактическим наместником в Москву в этот трудный час был назначен именно он, далеко не самый «дородный» и сановитый и стоявший в местнической иерархии намного ниже, чем другие московские аристократы. В росписи зимнего похода 1572/73 г. против шведов князь Юрий снова исполняет обязанности первого воеводы

⁶⁰ Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. 306.

⁶¹ Гонец Ф. Зенков, приехавший в Москву с известием для Ивана Грозного о том, что король Польши и великий князь литовский Сигизмунд II скончался, именовал Токмакова в грамоте от имени польских и литовских панов рады «боярином и намесником и воеводою Московским», что вызвало отповедь со стороны принимавших гонца бояр: именуя Токмакова боярином, наместником и воеводой, паны рады поступают «негораздо», ибо князь и не боярин, и не наместник (см.: Выписка из посольских книг... С. 272, 274.).

⁶² Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 192; Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 225.

при наряде, при этом в росписи поименован окольным⁶³. Очевидно, что он был пожалован в этот думный чин за свои прежние заслуги и успешную службу в качестве московского осадного воеводы (отметим также, что, судя по всему, в 1572–1574 гг. князь Юрий в чине дворецкого руководил приказом Большого дворца, сменив на этом посту впавшего в немилость боярина Л. А. Салтыкова-Морозова. Этот приказ, отмечали авторы справочника «Приказы Московского государства», «являлся основным судебно-административным органом в дворцовых вотчинах, контролировал поставки сельскохозяйственной продукции на нужды двора, строительство и ремонт дворцов и усадеб»⁶⁴. В ходе осады занятого шведами ливонского городка-крепости Пайда (Вейссенштейн) русские пушкеры под руководством князя Юрия пробили брешь в стене и 1 января 1573 г. Пайда после короткого, но яростного штурма пала (в ходе этого штурма был убит шедший в первых рядах штурмующих и знаменитый опричник Малюта Скуратов).

Из-под Пайды Иван Грозный повернул с главными силами своей рати в Новгород, а своего зятя, ливонского «короля» Магнуса послал с русской «помощной» ратью на ливонский замок Каркус (кстати, князь Юрий был в числе приглашенных на свадьбу Магнуса и племянницы Ивана Грозного княгини Марии Старицкой в апреле 1573 г.⁶⁵). Нарядом в этой рати снова командовал наш герой⁶⁶, и опять успешно: крепость была взята, а в ней оставлен русский гарнизон.

Спустя два года, в январе 1575 г., Иван Грозный снова отправляет рать воевать захваченные шведами земли в западной Ливонии — «от Ракобора х Кольвани колыванские места» (т. е. от бывшего орденского замка Везенберга, нынешнего эстонского Раквере до окрестностей Ревеля-Таллина). Князь Юрий в этом походе снова командует нарядом⁶⁷. Летом того же года он опять выступает в роли нарядного воеводы в рати, посланной Иваном Грозным к эстляндскому приморскому городу-порту Пернову, который был взят 9 июля 1575 г.⁶⁸ и, очевидно, не без активного участия князя Юрия и его пушкарей.

В следующем, 7084 (1575/76) г. «послал государь царь и великий князь в зимней поход воевать ливонских немец воевод своих на три полки с нарядом». Трехполковой ратью малого разряда командовал юрьевский (дерптский) наместник, князь А. П. Шейдяков, а нарядом при большом полку рати снова руководил наш герой. При этом в одной из разрядных книг князь поименован боярином⁶⁹. В ходе этого похода русские взяли ливонские городки Гапсаль (Апсаль —

⁶³ Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 319, 321.

⁶⁴ Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 37, 40.

⁶⁵ См.: Древняя российская вивлиофика / изд. Николаем Новиковым. Т. 13. М., 1790. С. 98.

⁶⁶ Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 326.

⁶⁷ Там же. С. 373–374.

⁶⁸ Там же. С. 380–381.

⁶⁹ Там же. С. 393–394.

под таким названием он проходил в русских документах того времени), Лоде (Коловерь), Падис (Падца) и Леаль (Лиговерь), и во время осады и взятия Гапсаля наш герой скончался. О причине его смерти разрядные книги умалчивают, но так как в них не сказано, что он был убит, скорее, всего, он умер от какой-то болезни. Правда, в принадлежавшем семейству Шереметевых росписи пожалований и убытия бояр, окольных, дворецких и некоторых других придворных чинов было отмечено, что окольный князь Юрий Токмаков умер в 1578 г.⁷⁰, однако мы склоняемся к тому, что сведения разрядных книг более точны, чем информация из этого списка, тем более что ливонский хронист Б. Рюссов сообщал своим читателям, что русский воевода Юрий Токмаков умер вскоре после того, как 12 февраля 1576 г. Гапсаль сдался русским⁷¹. Вкладная книга Псково-Печерского Успенского монастыря дает нам точную дату смерти князя Юрия — 15 февраля⁷².

Заключение. Так, 15 февраля 1576 г. на шестом десятке лет закончился жизненный путь одного из лучших воевод Ивана Грозного, князя Юрия Ивановича Токмакова, толкового артиллериста и администратора, карьера которого складывалась трудно, но, в конце концов — вполне успешно. Его звезда возшла в годы Полоцкой войны 1562–1570 гг., а пик ее пришелся на самое начало 70-х гг. XVI в., когда князь вошел в число приближенных Ивана Грозного и пользовался его доверием и расположением.

Литература

1. Володихин Д. М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 296 с.
2. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / публ. и авт. вступ. ст. К. В. Баранов. М.: Древлехранилище, 2004. С. 119–154. (Русский дипломатий. Вып. 10).
3. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
4. Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 303 с.
5. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.
6. Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы: 1558–1570. М.: Квадрига, 2013. 381 с.
7. Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. Lata 1548–1575. Zabrze: Inforteditions, 2012. 424 s.

⁷⁰ Древняя российская вивлиофика. Т. XX. М., 1791. С. 56.

⁷¹ Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880. С. 248.

⁷² Анухтин В. Р. Краткие исторические сведения о Псково-Печерском Успенском мужском монастыре и описание хранящейся в нем кормовой (вкладной) книги 1558 г. // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Год десятый. Вып. 1 и 2. М., 1914. С. 34.

References

1. Volodikhin D. M. Sotsial'nyi sostav russkogo voevodskogo korpusa pri Ivane IV [The social composition of the Russian voivodship corps under Ivan IV]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2011. 296 p. (In Russ.).
2. Zapisnaia kniga Polotskogo pokhoda 1562/63 goda [Notebook of the Polotsk campaign of 1562/63] / publ. i avt. vstup. st. K. V. Baranov. Moscow: Drevlekhranilishche, 2004. P. 119–154. (Russkii diplomatarii. Vyp. 10). (In Russ.).
3. Zimin A. A. Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the XVth – the first third of the XVIth century]. Moscow: Nauka, 1988. 350 p.
4. Liseitsev D. V., Rogozhin N. M., Eskin Iu. M. Prikazy` Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. [Prikazes of the Muscovite state of the XVI–XVII centuries]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 303 p. (In Russ.).
5. Tysiachnaia kniga 1550 g. i Dvorovaia tetrad' 50-kh godov XVI v. [The Thousandth book of 1550 and the Household notebook of the 50s of the XVIth century]/ podgot. k pečati A. A. Zimin. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1950. 456 p. (In Russ.).
6. Ianushkevich A. N. Livonskaia voina. Vil'no protiv Moskvy: 1558–1570 [Livonian war. Vilna against Moscow: 1558–1570]. Moscow: Kvadriga, 2013. 381 p. (In Russ.).
7. Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska w XVI wieku. Lata 1548–1575. Zabrze: Inforteditions, 2012. 424 s. (In Polish).